

Глава 25

Александр Солженицын — разрушитель жизни

Картинка с выставки. Еврейский вопрос.
Подстрекательство к мировой войне.
Мракобесие и презрение к демократии.
Интеллектуальный уровень.
Голодовка Сахарова.
Обращение к Солженицыну.
Солженицын, Войнович и Путин.
Стиль полемики

Вернусь к рассказу об эмиграции. Теперь уже о новой эмиграции, центральной фигурой которой был Александр Солженицын. Он представляет собой, на мой взгляд, яркий пример человека, нацеленного на разрушение жизни.

Побочную цель разговора о таких людях, как Солженицын, я вижу в том, чтобы высветить дальтонизм ко злу и его носителям, характерный для значительной части российской «свободомыслящей» интеллигенции. (К «таким людям» я причисляю также В. Максимова, А. Зиновьева и ряд других деятелей эмиграции, о которых разговор пойдет дальше.)

Говорить буду исключительно о публицистической деятельности Солженицына на Западе, которая до сих пор плохо известна большинству людей в России и которая отчетливее всего проясняет его сущность. Эта деятельность во многом определяла и атмосферу в эмиграции. Оговорюсь, что и «западные» художественные произведения Солженицына выполняли публицистическую функцию.

Картинка с выставки

Впервые на Западе я столкнулся с Солженицыным «виртуально», как говорят нынче, осенью 1974 года, примерно через полгода после его высылки из СССР.

Осенью того года Владимир Максимов при поддержке Солженицына и Андрея Синявского и на деньги Акселя Шпрингера, немецкого газетного магната радикально правой ориентации, начал издание журнала «Континент».

Презентация первого номера этого журнала состоялась на самой крупной в мире Франкфуртской книжной ярмарке. Я был от «Свободы» командирован на эту презентацию. Войдя в фойе павильона издательства «Ульштайн» (дочерняя фирма Шпрингера), я вздрогнул: напротив входа красовалось огромное, во всю стену, подсвеченное стеклянное панно — коллаж из трех профилей. Два профиля с бородами, один — без. Но уже в следующее мгновение я понял, что это были профили не Маркса, Энгельса, Ленина, а совсем наоборот: Солженицына, Синявского и Максимова.

Под панно, на столе под стеклом, как драгоценный документ, лежало приветственное письмо Солженицына к Максиму по случаю учреждения «Континента». В нем Солженицын ре-

комендовал Максимова предоставлять в журнале место диссидентам и политэмигрантам не только из России, но и из стран Восточной Европы, «кроме бывших коммунистов, таких, например, как Эдуард Гольдштукер...»

Изюминка здесь состояла в том, что литературовед Гольдштукер, специалист по Кафке, в 1967 году в Чехословакии был одним из инициаторов оглашения на съезде писателей ЧССР знаменитого обращения Солженицына к съезду советских писателей, прошедшего ранее в том же году, — с призывом добиваться отмены цензуры в литературе. На

съезде в Москве, напомним, обращение Солженицына не было оглашено, и никто из присутствующих даже не решился упомянуть о его существовании, на съезде же в Праге обращение было не только зачитано, но и побудило делегатов съезда принять резолюцию с требованием отмены в ЧССР вообще всякой цензуры. Гольдштукер был после этого исключен из компартии Чехословакии и из правления Союза писателей. Резолюция чехословацких писателей вызвала волнения в стране, которые, в свою очередь, послужили толчком к революции 1968 года.

Я спрашивал моих чехословацких друзей и самого Гольдштукера, по какой причине он мог упасть в немилость Солженицына? Никто не понимал, в чем дело. Гольдштукер не был знаком с Солженицыным и никогда ничего о нем не писал. Позже, когда прояснилось отношение Солженицына к евреям, стала понятна и причина его немилости к Гольдштукеру. Солженицын, видимо, решил, что он еврей. Солженицын, очевидно, не знал, что в Чехословакии немецкие фамилии часто носят и чехи. Вероятно, по той же причине Солженицын с яростью обрушился на знаменитого комментатора Би-би-си Анатолия Гольдберга, который действительно был евреем, обвинив его в анти-

русском и просоветском настрое.

Высказывания Солженицына я далее разобью по темам, которые занимают важнейшее место в его литературно-публицистической деятельности на Западе.

Еврейский вопрос

Начну с «еврейского вопроса», поскольку мы его уже коснулись.

Впервые мне (и не только мне) стало ясно, что Солженицын — антисемит, и махровый, при чтении его «Архипелага ГУЛАГ», в котором он выделил биографиями и даже фотографиями исключительно евреев в руководстве НКВД, упомянув бегло, в перечислении, лишь несколько русских имен из тысяч не менее кровавых сталинских чекистов. Солженицын подсчитал даже, сколько жертв в среднем приходится на душу евреев-чекистов — от Фирина до Солца, «забыв» прикинуть жертвы Ежова, главного сталинского палача. Он вообще «забыл» даже имя Ежова упомянуть!

Мне, как и всем людям демократической и антифашистской ориентации, эта ложка фашистского дегтя отравила и весь «Архипелаг». Меня не вдохновляет борьба с «коммунизмом» по принципу: «Коммунисты и евреи — шаг вперед!».

Между прочим, уже в эпоху Путина Солженицын неоднократно встречался с ним, принимал его у себя дома, доверительно беседовал. Значит, дело не столько в жестокости чекистов, сколько опять же в их национальности? Новые чекисты ведь тоже достаточно сотворили же-

стоких деяний и крови пролили! Имею в виду и чеченскую войну, и провокации, с помощью которых она развязывалась: похищения людей, взрывы домов и т.д.

Находясь в эмиграции, Солженицын продолжал раскручивать яростную антисемитскую пропаганду. Он производит анализ крови Ленина и открывает, что у него только одна «четвертушка крови — русская». Но этого ему мало, и он ставит над Лениным Александра Парвуса, второстепенную фигуру в социал-демократических кругах России и Германии, которого Солженицын изображает дьяволоподобным евреем, русофобом и немецким шпионом, утверждая, что Парвус был теневым идейным руководителем Ленина и всех трех революций в России (1905-го, Февральской и октября 17-го). Хочется Солженицыну все-таки чистого (на все четыре четверти) еврея поставить во главе большевиков и революции. При этом, чтобы читателям было яснее, кто есть Парвус, Солженицын подменяет его имя Александр на Израиль. И в то же время в конце повести («Ленин в Цюрихе») дает список деятелей революции и партии большевиков, выступавших под псевдонимами, раскрывает их псевдонимы, желая, очевидно, показать, как много евреев и всякой другой «неруси» (как сейчас фашисты говорят в России) было среди вождей революции.

Также подменяет Солженицын (в «Августе четырнадцатого») и имя Дмитрия Богрова, убийцы Столыпина, называя его Мордкой, чтобы опять же яснее было, кто он такой. Убийство Столыпина Солженицын характеризует как выстрел в Россию и объясняет его не «заказом» врагов Столыпина в царском окружении, как то признано мировой историей, а глубокой еврейской ненавистью к России, двигавшей Богровым.

Я вообще убежден, что Столыпин заинтересовал Солженицына более всего потому, что его убил еврей. Убийство Александра Второго, ликвидировавшего крепостное право и готовившего конституцию, было неизмеримо трагичнее для России, но Солженицын даже не упоминает об этом событии в своих исторических романах. В числе террористов, убивших царя, не было евреев! Как и при осуществлении множества других терактов в те времена. Ни словом не обмолвливается Солженицын и о том, что незадолго до Богрова Столыпина пытались убить эсеры, среди которых также не было евреев. А тот теракт был совсем по-палестински жестоким: эсеры взорвали бомбу на даче Столыпина, когда там находились его дети и посетители. Двое детей и многие посетители были тогда тяжело ранены.

Что касается злоторного влияния евреев, то не только Ленин, но и Сахаров, по Солженицыну, находился под их пагубным влиянием. В своих мемуарах «Бодался теленок с дубом» Солженицын обвиняет Сахарова в том, что он «сломав наш бой, лишил нас главного успеха, уступая воле близких, уступая чужим замыслам» (курсив мой. — В. Б.).

«Близкие» — это Е.Г. Боннэр, еврейка по матери, зять-еврей

Е. Янкевич, представитель Сахарова в эмиграции, а «чужие», поясняет Солженицын, это «90 евреев, написавших письмо американскому конгрессу, как всегда о своем: чтобы конгресс не давал торгового благоприятствования СССР, пока не разрешится вопрос об еврейской эмиграции». «Для придания веса своему посланию» они попросили Сахарова написать такой же протест, и Сахаров это сделал, «не подумав, — повторяет Солженицын, — что ломает фронт, сдает уже занятые позиции», превыше всего, мол, ставя свободу для еврейской эмиграции.¹

В другом месте, по поводу критики Сахаровым «Письма к вождям Советского Союза», Солженицын вновь подчеркивает:

¹Париж. Имка-пресс, 1957.С.404

«Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение»».¹

Одиозное высказывание сделал Солженицын, выступая в Тайбее (Тайвань) 23 сентября 1982 года. Оказывается, не только в Октябрьской революции евреи сыграли решающую роль, но и в китайской.

«Теперь все уже забыли, что еще в 1923 году советский агент Грузенберг, под кличкой Бородин, готовил в Китае коммунистический переворот, и это именно он выдвинул на первые высокие посты в партии Мао Цзедун и Чжоу Эньлая».²

Этот воспаленный антисемитский бред почерпнут Солженицыным, наверное, в эмигрантских книгах того типа, которые издавались в серии «Россия под жидовским коммунизмом». Отметим попутно, какого поразительно высокого мнения Солженицын о способностях евреев. Один русский еврей сумел подготовить «коммунистический переворот» (переворотом Солженицын называет многолетнюю гражданскую войну) в стране с миллиардным населением и оригинальной древней культурой, да еще и выдвинул к руководству Мао и Чжоу!

Антисемитских высказываний Солженицына может набраться на целый том, но я приведу еще только уникальные страницы из романа «Октябрь шестнадцатого», где автор описывает совещание реальных исторических лиц — членов царского правительства и Государственной думы — и вкладывает им в уста соответствующие высказывания в расчете на то, что читателями они будут восприниматься как документальные.

Обсуждается на совещании положение, возникшее в связи с насильственным выселением евреев из районов, на которые наступали немецкие войска, из опасения, что евреи будут как-то помогать немцам. Общую обстановку Солженицын поясняет сам следующим образом:

«Ожесточенная реакция на Западе (на это выселение. — В. Б.) была мгновенна... повсюду на Западе тотчас были обрезаны кредиты России на ведение войны, недвусмысленно закрыты все источники, без которых Россия не могла воевать и недели. Наиболее ощутительно это сказалось в Соединенных Штатах, ставших банкиром воюющей Европы».³

Далее Солженицын передает слово царским министрам.

«Кривошеин: Нож приставлен к горлу, ничего не поделаешь. Пока еще вежливо просят (евреи), мы можем ставить условия: мы существенно изменим черту оседлости, а вы нам дайте денежную поддержку и окажите воздействие на печать, зависящую от еврейского капитала (это равносильно почти всей печати), в смысле перемены ее революционного тона.

Щербатов: Мы попали в заколдованный круг. Мы бессильны: деньги в еврейских руках, и без них мы не найдем ни копейки.

Сазанов: Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями.

Самарин: Мне тоже больно давать согласие на акт, последствия которого огромны и с которым русским людям придется считаться в будущем. Но таково сплетение обстоятельств, приходится жертвовать.

¹Континент. 1975.№2.

²Русская мысль.Приж,1982.11.09.

³Париж. Имка-Пресс,1976.С.263.

Щербатов: Конечно, Сергей Васильевич глубоко прав, указывая на разрушительное влияние еврейства, но что ж нам остается делать, когда нож приставлен к горлу, а деньги в еврейских руках.

Кривошеин: Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но тем не менее подписываю акт о льготах (расширение черты оседлости. — В. Б.). Будемте спешить. Нельзя вести войну сразу с Германией и с еврейством, это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия.

Оболенский: В еврейском вопросе — три четверти значения всей программы. Это нужно для кредита... Американцы ставят условием свободный приезд американских евреев к нам».¹

Разумеется, все эти высказывания либо придуманы самим Солженицыным, либо взяты из эмигрантской литературы про «жидовский коммунизм». И главное — мы видим здесь изложение основных тезисов геббельсовской пропаганды, адаптированной к условиям того времени и России. До Геббельса в ходу были другие обвинения: использование крови христианских младенцев, заговор сионских мудрецов, шпионаж в пользу немцев и т. д.

Причем Солженицын фактически клеветает на царскую Россию, будто она была закрытой страной для иностранцев. И не поясняет, как на русских границах евреев выделяли среди американцев. По измерению пропорций лица или с помощью интимного осмотра? Ведь в американских паспортах никогда не было графы о национальности. И еще комично: в СССР евреи с помощью Сахарова, как утверждает Солженицын, добиваются свободного выезда, а тогда, в 16-м году, с помощью американского правительства добивались, оказывается, свободного

въезда! Зачем? Известно — делать в России революцию. По Солженицыну выходит, что евреи одновременно владели мировым капиталом и прессой (даже в России!) и мировую революцию через Россию разжигали — против владычества своего же капитала.

Затрону отдельно утверждение самого Солженицына об «ожесточенной реакции» Запада на принудительное переселение евреев в России. Унизительно и скучно доказывать, что дважды два — четыре, а не пять, но надо, учитывая затмение сознания многих россиян. В начале XX века еврейский вопрос, да еще в России, совершенно не волновал Запад. Перед Первой мировой войной еврейский вопрос проявился разве только во Франции в связи с судом над Дрейфусом, офицером генштаба, евреем, которого обвинили в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. И французские евреи ничего не смогли сделать. Только Эмиль Золя сумел поднять общественное мнение против неправого приговора, и через пять лет Дрейфус был помилован, а еще через семь — реабилитирован.

Во время же мировой войны антигерманская коалиция была жизненно заинтересована в активном участии России в войне, и утверждать, что страны Антанты из-за переселения российских евреев «обрезали» России кредиты, необходимые для ведения войны, можно только потеряв чувство реальности из-за ненависти к евреям. Позже юдофобия немецких нацистов не мешала Англии и Франции заключить Мюнхенское соглашение с Гитлером, а Швейцарии — закрыть границу для еврейских беженцев из Германии, обрекая их на газовые камеры. После Второй мировой англичане прямо воевали с евреями в Палестине, чтобы не дать им создать там свое независимое государство, даже потопили однажды пароход с беженцами-евреями из

¹Там же. С.264-266,283.

Европы. Наконец, в наши дни значительная часть политического истеблишмента Западной Европы поддерживает Арафата и осуждает Израиль.

Утверждениям, что большинство капиталов мира находятся «в еврейских руках» и что евреи возглавляли революцию в России, я противопоставляю и такой вопрос: почему же тогда евреи мира не смогли помешать Гитлеру истреблять их в Европе, а Сталину — с легкостью вычистить евреев из партийного руководства, раскрутить государственный антисемитизм и начать истреблять еврейскую интеллигенцию?

По Солженицыну, евреи были также виновны в создании коммунистической идеологии и переносе ее в Россию, где коммунизм якобы не имел никакой почвы: «Русский народ был первой его жертвой». Чтобы понять, как позорит эта концепция русский народ, надо представить, что немцы, скажем, говорили бы сейчас подобное: нацизм был привнесен извне с помощью австрийцев и других «инородцев», в Германии он не имел никакой почвы, и немецкий народ был первой его жертвой. К чести немцев, среди них не нашлось подобных «просвещенных» патриотов.

Концепция Солженицына противоречит его же призыву к раскаянию. В Германии после разгрома нацизма волна раскаяния охватила большинство немцев. У нас же все время держится взгляд о невинности народа во всем, что творилось в стране и ею в мире. Солженицын внес большой вклад в закрепление такого подхода. С точки зрения религиозной — это антихристианский подход. Я как-то сказал своей жене Аните: «Если случится чудо, и к власти в стране придет наконец «гуманоид» и признает войну в Чечне преступлением, неужели и тогда все станут говорить, что это было преступлением Ельцина, Путина, а народ был ни при чем, был опять жертвой?». На что она справедливо возразила: «До тех пор пока в стране будет господствовать такое отношение, и чуда не произойдет — гуманоид в Кремле не появится!».

Исходя из своего утверждения о привнесенности и чужеродности коммунизма для России, Солженицын постоянно убеждал западную общественность и власти, что единственная сила, способная уничтожить коммунизм в России, это русский национализм («русские национальные силы») под эгидой православия, и тем он вновь повторял фактически Гитлера, убеждавшего в свое время немецких магнатов и всех антикоммунистов, что только ставка на немецкий национализм принесет победу над «еврейским коммунизмом» в Германии и Европе.

Итак, из всех упомянутых выше писаний Солженицына вытекает, что евреи — враги России и мира. И Солженицын не мог не знать, чьи идеи он повторяет и к чему подобная пропаганда привела в недавнем прошлом. Немецкие нацисты еще могли не предвидеть, чем кончится их борьба с «еврейством» — и для немецкого народа, и даже для еврейского, могли не предполагать, что они приведут дело к разрушению тысяч городов и гибели 55 миллионов человек в ходе развязанной ими (с помощью Сталина!) Второй мировой войны. Но их идейные последователи не могут этого не знать.

И все-таки Солженицын повторяет Гитлера и Геббельса! Такова, видимо, сила его ненависти к евреям, за которой обязательно стоит и ненависть вообще к людям, к жизни, тяга к разрушению всего и вся. Эта тяга, как я далее покажу, присутствует и в большинстве других воззрений Солженицына, высказанных им в эмиграции. Солженицын, видимо, долго сдерживал эту свою черную страсть, но когда слава уже была им завоевана и ослабила его тормоза, он не выдержал.

И единственное, что отличает почти всех современных теоретиков юдофобии от «классиков» данного направления, так это их трусливые усилия маскировать свои взгляды. Они ведь все-таки ведают, что говорят и творят! И Солженицын в эмиграции всегда пытался отвергать обвинения в антисемитизме и даже пользовался услугами нескольких евреев-журналистов из числа новых эмигрантов, которые рьяно защищали своего патрона или хозяина, не знаю уж как сказать, от обвинений в юдофобии.¹

У Стругацких есть замечательная повесть «Жук в муравейнике», в которой рассказывается, как «звероидные» инопланетяне оставляют на Земле эмбрионы человеческих существ с запрограммированным ими в генах этих эмбрионов стремлением к разрушению. Из них выходят нормальные поначалу люди, одаренные и даже нравственные, но в какой-то момент заложенная в них программа начинает действовать. Такое впечатление производит и Солженицын.

Ну а если вернуться к реальности, то можно предположить, что Солженицын в своей жизни не приобрел тяги и способности к любви. Вспомним тут поразительные слова Николая Ивановича Зубова (Кадмина в «Раковом корпусе») из его письма ко мне о том, что Солженицын «не умеет любить и даже не знает, что это такое». А там, где нет любви к людям, а значит, и к жизни, верх берет «любовь» к разрушению и смерти.

Подстрекательство к мировой войне

Высказывания Солженицына в эмиграции по общеполитическим вопросам содержат такой же черный разрушительный заряд, как и высказывания по «еврейскому вопросу». Солженицын на всех углах кричал тогда, что Запад проигрывает, уже проиграл третью мировую войну, и призывал остановить наступление коммунизма, фактически — призывал к войне!

Так, в статье «Третья мировая» Солженицын писал:

«Когда теперь мы оглядываемся на эти 30 лет, — мы видим их как долгий извилистый спуск... Могущественные западные державы, победительницы в двух первых мировых войнах, в этот мирный 30-летний период только ослаблялись, только теряли союзников, роняли уважение к себе, только отдавали беспощадному врагу — территории, население, великий многолюдный Китай, Северную Корею, Кубу, Северный Вьетнам, теперь и Южный, теперь и Камбоджу, вот на грани Лаос, Таиланд, Южная Корея, Израиль, в ту же пропасть уносится Португалия, бессильно ждут своей участи Финляндия, Австрия, не способные защитить себя и справедливо не надеясь на защиту со стороны...

Итак, если державы победительницы превратились в держав побежденных, отдавших в сумме столько стран и населения, сколько не отдавалось ни в одной капитуляции, ни в одной

¹В их числе был Юрий Фельштинский, который недавно по материалам беглого чекиста Александра Литвиненко написал книгу о «чеченских» взрывах в Москве и Волгодонске. Но это никак не влияет на мое мнение об этой книге, которая представляется мне правдивой и чрезвычайно нужной для России.

войне в человеческой истории, — то не метафора сказать: Третья мировая война — уже была — и закончилась поражением Запада...

Те юноши, которые отказались переносить тяготы и страхи далекой вьетнамской войны, — быть может, еще не выйдя из боевого возраста, лягут — еще они, даже не их сыновья, — лягут за саму Америку, но уже поздно и бесполезно».

Статья датирована 28 апреля 1975 года.¹

А вот более позднее высказывание. В статье «Скоро все увидим без телевизора» Солженицын предрекает: «Коммунисты теперь везде уже на подходе — и в Западной Европе и в Америке. И все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят без телевизора и тогда поймут на себе — но уже в проглоченном состоянии».²

В своей знаменитой брошюре «Наши плюралисты», направленной против демократического диссидентского движения в СССР, которое Солженицын «ласково» называет «дем-движ», он пишет: «Комично печальное впечатление от того, как плюралисты (т. е. диссиденты-демократы. — В. Б.) несут и слагают свои жалобы и надежды к стопам Запада, ослепленно не видя, что Запад сам — накануне гибели, и сам себя уже не способен защитить».³

Подобных высказываний у Солженицына было множество. И тут вновь встает вопрос, как мог не понимать Солженицын, что могло бы случиться с Россией и со всем миром, если бы Запад последовал его призывам?

Все понимал наверняка, но «программа», видимо, была сильнее!

Подчеркну, призывая Запад «остановить наступление коммунизма», он призывал его к войне в первую голову с Россией. «Коммунисты везде на подходе», но это значит, прежде всего, — русские на подходе! Великий патриот России звал к великому пролитию русской крови.

При том что Запад делал все возможное, чтобы остановить «коммунистическую» экспансию без великой крови: поддерживал везде «антикоммунистические» силы деньгами, оружием, советниками, усиливал свою военную мощь, одновременно разоряя Советский Союз гонкой вооружений, создал НАТО, т. е. обозначил границы, список стран, нападение на которые вызвало бы военный ответ США, Англии, Франции, Германии, главных опорных стран НАТО. Наконец, западные руководители видели, что тоталитарный режим в СССР разлагается и слабеет, в частности, об этом говорило и появление диссидентов, эмигрантов и оппозиционных писателей, как тот же Солженицын.

И на что еще обращу внимание: неизбежную гибель, оккупацию «коммунистами» западных стран Солженицын предрекал почти до самого начала крушения «победоносного коммунизма»! (Режима тоталитарного, государственного социализма, если называть вещи своими именами.) А он уже давно жил на Западе, имел доступ к широкой информации о положении в мире и в «лагере коммунизма», и мог бы почувствовать, что дело идет к развалу этого лагеря. Как это почувствовал тот же Амальрик. И Солженицын, заявляющий себя высоко нравственным человеком, после крушения «коммунизма» ни словом, ни полсловом не признал вопиющей ошибочности своего понимания положения в мире, в России и своих прогнозов.

¹Публицистика. Ярославль, 1997.Т.1.С.226,228.

²Там же.С.13

³Весинк РСХД,№139,С.147

Мракобесие и презрение к демократии

Впервые с тем и с другим мы сталкиваемся уже в «Письме к вождям», когда Солженицын говорит о том, что России лучше всего подошел бы авторитарный строй «под этическим куполом православия», но XVII века, «не издерганного реформами Никона». И филиппик в адрес «западной» демократии там было полным-полно, особенно в первой, вождям и Сахарову отправленной версии.

На Западе, не встречая понимания и озлобляясь, Солженицын начинает на всех углах поносить демократические страны, стремительно сближаясь с советской пропагандой.

Статья «Главный урок»:

«Запад слаб в своей основе, в результате трехвекового развития самой Европы. Нынешнее общество Запада, как оно существует, все более в виде потребительского, разочарованного в труде, гедонистического, с разрушаемой семьей, наркоманского, атеистического и парализованного терроризмом, — исчерпало свою жизненную силу, потеряло духовное здоровье, — и в сегодняшнем виде не может выжить».¹

Здесь особенно примечательны слова о «разочарованности в труде». Вот бы нам такую разочарованность! Нельзя без усмешки читать сегодня и слова о терроризме, «парализовавшем» Запад. Ведь речь шла о терроризме 80-х годов, внутриевропейском, имевшем ничтожную социальную базу и относительно легко ликвидированном в последующие годы.

В интервью телекомпании «Нихон» (5 октября 1982 года) Солженицын рассуждает:

«Восточный взгляд состоит в том, что дело прежде всего в воспитании характера, — и Запад раньше, в Средние Века, тоже это отлично понимал, и там это было. Но с эпохи Просвещения пошло так: человек — вообще идеальное существо, он будет делать только хорошее, если вы создадите ему хорошие социальные условия, социальные институты, чтобы среда ему не мешала. И все будет хорошо. Это было роковое заблуждение, и сегодня мы пожинаем его плоды.

Коммунизм и социализм — тоже вышли из Просвещения, они его наследники. Именно поэтому западному сознанию так трудно противостоять социализму и коммунизму, что в основе — много общих положений, корни, происхождение одинаковые. Не из религиозного чувства они выросли, а вот из таких гражданских рассуждений».²

Начав с Октябрьской революции как причины всех бед России, Солженицын отходит к революции Февральской, объявляя ее (т. е. установление демократии!) началом «падения» России. Но, как видим, и на этом не останавливается: беда, оказывается, пошла с Просвещения! Куда дальше?

Интеллектуальный уровень

Этот уровень высвечивается и в мракобесии Солженицына, и в его предреканиях неизбежной и близкой победы «коммунизма» в мире, но можно выделить и более прямые примеры-показатели этого уровня.

¹Публицистика. Ярославль, 1977.Т.3.С.10

²Там же.С.58

В «Письме к вождям СССР» это и предложение массового заселения Севера, и призыв остановить промышленное развитие в мире. Не изменить характер, а именно остановить. Если представить себе немислимое — реализацию этих идей, то они привели бы к чудовищным разрушениям, к страданиям и гибели множества людей.

В письме к президенту Рейгану (от 11 мая 1982) по поводу оскорбительного для Солженицына приглашения его в Белый дом вместе с другими политэмигрантами он объявляет: «Некоторые американские генералы предлагают уничтожить атомным ударом — избирательно русское население».

И вокруг этого танцует: «Здесь проявляется то враждебное отношение к России как таковой, к стране и народу, вне государственных форм, которое характерно для значительной части американского образованного общества, американских финансовых кругов и, увы, даже Ваших советников».

Между тем объяснения, как можно произвести избирательно «антирусский» атомный удар, Солженицын не дает. И получается что-то вроде «магнитной бомбы» Жириновского, с помощью которой тот грозил в Брюсселе (на сессии ПАСЕ) утопить в океане Западную Европу и Северную Америку.

Солженицын все время обвинял Запад, США в капитуляции перед «коммунизмом», призывал фактически к войне с Россией, а после того как почувствовал себя оскорбленным, обвинил вот США в намерении «избирательно» уничтожить русский народ. Призывая к войне с «коммунизмом» (с Россией), он, что ли, думал, что можно «избирательно» уничтожать только членов КПСС?

Солженицын совершенно запутался (и своих читателей-почитателей запутал) с определением режима в СССР как «коммунистического» и чуждого русскому народу. Солженицын витал вне реальности, существующей на планете Земля и на его родине в том числе. Но для «работы разрушения» такое сознание годилось чрезвычайно.

В 1984 году в Риме на русском языке вышла брошюра Петра Орешкина «Вавилонский феномен». В этой брошюре Орешкин доказывает, что самым древним языком всего человечества был древнеславянский язык. «Славяне во всей своей полноте, — пишет автор, — сохранили грамматический строй и корневой словарный состав древнейшего языка, но забыли, кто они, откуда пришли — забыли о своем славном прошлом, быть может, потому, что были слишком доверчивыми людьми».

Пример доказательств: «Уже само имя «этруски» дает основание говорить, что они были древнеславянским племенем руссов — «это — руски». «Амазонки» — это от «Аз женки». «Эзопов язык» — от древнерусского «жопов», и означало это словосочетание — «вернуться жопой» к тому, с кем не нужно разговаривать». И так далее, в том же духе.

Так вот, на обложке этого «труда» красуются слова:

«Многоуважаемый Петр Петрович! Могу представить Ваше отчаяние от предложения Вашей работы западным «славянским» специалистам. Еще независимо от истины — само направление Вашей трактовки им отвратительно и является одним из самых осудительных, что только можно придумать в современном мире.

Но, во всяком случае, это очень дерзко и несомненно талантливо.

Желаю Вам не приунуть, но преуспеть!

Александр Солженицын».

Анита рассказала, что когда в книжный магазин Нейманиса пришла брошюра Петра Орешкина, она передала ее шефу, чтобы он решил, принимать ли ее для продажи. Нейманис, посмеиваясь, полистал книгу, прочел письмо Солженицына на обложке и, покачав головой, вернул Аните: «Нет, это уж слишком! Не будем ее брать».

И наконец, есть один пункт у Солженицына, который не попадает ни в одну из обозначенных выше рубрик, но ко всем имеет отношение. Это — призывы Солженицына к людям жертвовать собой «во имя», жертвовать благами, а то и жизнью, призывы даже к созданию «жертвенной элиты». Примером Солженицын представляет самосожжение чеха Яна Палаха в 1969 году в знак протеста против оккупации Чехословакии. «Если бы эта жертва была бы не одиночной — она бы сдвинула Чехословакию», — пишет Солженицын в статье «Образованщина».

Эту идею трудно обозначить иначе, как прорыв злого безумия. Призывать других людей жертвовать собою и утверждать, что с помощью таких жертв можно прийти к освобождению, — как еще иначе это можно назвать?

Эта идея был подхвачена и развита в том же сборнике Игорем Шафаревичем, ближайшим единомышленником Солженицына, о котором он сказал, что они во всем едины. «Самое существенное (для спасения России) может быть сделано на единственном пути — через жертву, — писал Шафаревич. — Известно, как радостно жертвовали собой христиане первых веков...» «Жертва дает чувство высокого подъема, радости, осмысленности жизни».

Эта статья «Есть ли у России будущее?» — настоящая ода жертвоприношениям! Ее можно назвать: «На пути к шахидам». Здесь явственно видна пропаганда смерти!

Неосознанное стремление к разрушению всего и вся проявляется у Солженицына и в языке его западной прозы и публицистики: применяя немислимые, выдуманные им слова и обороты, он фактически разрушает русский язык. Эти его усилия хорошо иллюстрирует Владимир Войнович в книге «Портрет на фоне мифа».

Голодовка Сахарова. Мое обращение к Солженицыну

Важно отметить отношение Солженицына к голодовкам Сахарова в 1981 и 1984 годах.

В мае 1984 года Сахаров, находившийся тогда в ссылке в Горьком, начал голодовку с требованием разрешить Е.Г. Боннэр выехать за границу для лечения и свидания с детьми. Боннэр была тогда арестована, судима и приговорена за антисоветскую пропаганду к ссылке (в Горьком). В эмиграции проводилось много мероприятий в поддержку Сахарова, призывали Запад к помощи, к давлению на советское правительство практически все видные эмигранты, включая близкого к Солженицыну Ростроповича. И только один человек молчал — сам Солженицын.

Голодовка Сахарова началась в мае, настал сентябрь, но Солженицын молчал.

Наступила самая тревожная пора — о Сахаровых ничего не было известно: что с ними? где они? Ходили слухи, что Сахаров умер или при смерти. Солженицын молчал.

В конце сентября я счел своим долгом написать Солженицыну открытое письмо. Вот его полный текст.

«Многоуважаемый господин Солженицын!

Я ждал, что кто-то скажет Вам то, что должно быть сказано в связи с Вашим молчанием по поводу судьбы Сахаровых. Но, увы, никто пока ничего не сказал. Значит придется сказать мне, много раз уже выступавшему с критикой Ваших взглядов и заявлений.

В прошлом (в 1983) году демократическая общественность мира постаралась, видимо, не заметить, как не замечают чего-то очень неприличного, Ваших слов, сказанных на пресс-конференции в Лондоне

11 мая о голодовке Сахаровых в 1981 году:

«В декабре 81 года, последние 10 дней, когда шла самая напряженная подготовка к военному положению в Польше, мировая пресса все это пропустила, а занята была тем: соединится ли Лиза Алексеева со своим женихом. Этим были все заняты. И так пропустили всю подготовку к военному положению в Польше».

Занят был мир тогда более всего, разумеется, судьбой Сахарова и Боннэр, державших смертную голодовку, чтобы выволить Л. Алексееву из положения заложницы за Сахарова. Но у Вас не хватило смелости назвать имя Сахарова.

Теперь Вы единственный среди видных российских политических эмигрантов ни слова не промолвили в защиту Сахарова и его жены. После Вашего высказывания о голодовке Сахарова в 1981 году нынешнее Ваше молчание носит явно демонстративный характер.

Имея в виду то, что представляет собой Сахаров для России и мира, приходится констатировать, что Вы своим молчанием поставили себя вне русского народа, вне сообщества людей, наделенных совестью, и, насколько я понимаю, вне христианства.

Вот однозначный вывод, единственные слова, которые необходимо тут сказать. Необходимо сказать не столько для Вас, сколько ради «очищения атмосферы», ради своей собственной совести.

Вадим Белоцерковский
Мюнхен, 1.10.1984.»

Я писал это письмо в мерцающей надежде задеть Солженицына — может, заговорит! Но он не заговорил.

Как это ни удивительно, нашелся печатный орган, осмелившийся напечатать это письмо: маленький коммерческий еженедельник в Нью-Йорке «7 дней», выходящий под редакцией известных в эмиграции журналистов Петра Вайля и Александра Гениса. Мое письмо им передал Сергей Довлатов, которому я его послал.

Вайль и Генис, чтобы защитить себя от гнева Солженицына, написали во врезе: «С обвинениями в адрес Солженицына согласятся далеко не все эмигранты из России. Не разделяет суть претензий Белоцерковского, а главное — тон, которым они высказаны, и редакция «7 дней». Но несмотря на эту подстраховку еженедельник вскоре, через несколько номеров, был закрыт по распоряжению спонсора журнал Андрея Седыха (издателя «Нового русского слова» в Нью-Йорке).

Солженицын на мое письмо отозвался через 17 лет в мемуарах «Угодило зернышко промеж двух жерновов»:

«И от неумного Белоцерковского окончательный приговор: «Вы своим молчанием поставили себя вне русского народа, вне сообщества людей, наделенных совестью, и, насколько я понимаю, вне христианства»!

И по какой же это демократии, по какой же это совести: поносить человека не за то, что он сказал, а за то, чего не сказал? тыкать писателю, почему он не сделал публично заявления, желательного тому, этому, третьему диссиденту? Как они визгливы. Я защищал Сахарова, когда сам находился под топором, а на Западе тогда молчали (неправда! — В. Б.). А когда за него уже выступили все президенты, все премьер-министры, все парламенты и Папа Римский — ну зачем, из полной безопасности, вам еще голос этого расиста, шовиниста Солженицына, который все сплошь понимает неверно и все извращает?

А вот ныне Сахаров, слава Богу, возвращен в свое академическое сословие — так теперь мне дозволено вернуться в состав христианства и русского народа? Или все еще нельзя?

И собаки меня облаяли, и вороны ограили. Ну, какое, какое еще рыло обо мне не судило?».¹

Поразительно, как Солженицын в любой полемике не может не нарушать элементарные этические нормы, не может обходиться без высокомерного хамства: «визгливы», «собаки облаяли», «рыло». И сколько презрения (и зависти?) сквозит в перечислении: «вступились все президенты, все премьеры, все парламенты и Папа Римский». (Если бы еще без «Папы»! Не удержался Солженицын.) И лукавит писатель, что его голос был бы лишним. К сожалению, еще были тогда круги на Западе, для которых он был авторитетом в русских делах. И наконец, ради своей собственной совести можно ли было оставаться в стороне? Ведь не забудем, что с момента начала голодовки почти четыре месяца ничего достоверно не было известно о состоянии Сахарова.

На мой взгляд, достаточно знать хотя бы небольшую часть из упомянутых выше высказываний и поступков Солженицына, чтобы понять, что он собой представляет. Но большинство российских общественных и государственных деятелей, считающих себя либералами и демократами, делали вид, что ничего страшного не замечают у Солженицына, и продолжали с пиететом к нему относиться. Помню, как в начале перестройки организовался комитет деятелей культуры по зазыванию Солженицына в Россию, в составе которого были демократы и евреи, и возглавил его Аркадий Ваксберг, еврей. Я был знаком с ним до эмиграции и знал его как умного, симпатичного человека. (Между прочим, и о том подумать, как мог великий патриот земли русской так долго не возвращаться на родину?) Поведение евреев, восхвалявших Солженицына и звавших его вернуться в Россию, я определил тогда как смесь идиотизма с мазохизмом.

Все это, очевидно, от врожденного холопства. Но вот ведь парадокс: в XIX веке такого не было среди творческой интеллигенции! Великий Гоголь, не сравнимый с Солженицыным по таланту и роли в русской литературе, начинает в упоминании заявлять нечто реакционное и — получает сокрушительный ответ Белинского, позицию которого разделяют большинство писателей того времени.

И ведь что еще устрашает, так это то, что в стране имеется лишь одна организация, которая с самого начала верно оценила суть Солженицына. Это — КГБ! Мало того, что его с максимальным (рекламным) шумом выставляют из страны, так потом еще выпускают весь его архив, собранный и сопровождаемый его супругой, — целый контейнер! А Сахарова отправляют в ссылку и крадут его рукописи! В КГБ, очевидно, рассчитывали, что Солженицын на Западе своими выступлениями скомпрометирует советских диссидентов и оттолкнет от них за

¹Новый мир.200.№4.С.104

падную общественность. И люди из упомянутой организации не ошиблись! В самых уважаемых западных газетах его взгляды неоднократно характеризовались как фашистские, скандалов было выше крыши, и либеральную интеллигенцию Запада, ранее поддерживавшую российских диссидентов, Солженицын оттолкнул максимально. Я помню, как после одного из его мракобесных выступлений знаменитый на Западе фельетонист Зейферт написал в «Нью-Йорк таймс»: «России и миру нужен новый Толстой, а не Распутин!». Вот даже и для борьбы против радиостанции «Свобода» пригодился наш великий борец с коммунизмом.

Можно сказать, беда стране, в которой охранка оказывается самой умной!

Один из основателей сионизма — Владимир Жаботинский — прославился своей формулой: «Каждый народ обладает правом иметь своих (скажем вежливо) нехороших людей». И все народы таких людей имеют. Но где еще в цивилизованных странах таких людей считают духовных лидерах?

Солженицын, Войнович и Путин

В своих последних мемуарах «Угодило зернышко промеж двух жерновов» Солженицын расправляется со множеством своих обидчиков и недругов, и в их числе с Владимиром Войновичем.

К слову, как любит Солженицын в мемуарах себя маленьким и обиженным представлять: почти все время рассказывает, как на него безжалостно со всех сторон нападают. И заголовки: «Бодался теленок с дубом», «Угодило зернышко промеж двух жерновов». В этом мне видится что-то от блатных нравов. Прежде чем ножичком полоснуть, надо слезы размазать: «Забивают!».

Остановлюсь на сюжете с Войновичем. На мой взгляд, Войнович был одним из немногих писателей, который достойно вел себя в эмиграции: ни к кому не пристраивался и не прислуживался, в шовинизм и мракобесие не впадал, демократию и Запад не поносил, в эмигрантскую политику не лез.

Очерк в «Зернышке» о Войновиче следует сразу же за комментарием по поводу моего письма Солженицыну, и предваряет его уже известная нам фраза, которая относится как бы и ко мне, и к нему: «И собаки облаяли, и вороны ограjali. Ну, какое, какое еще рыло обо мне не судило?».

И далее следует:

«А вот — сатирик Войнович, «советский Рабле». В прошлом — сверкающее разоблачение соседа по квартире, оттягавшего у него половину клозета, — дуэлет! — сразу и отомстил и Золотой фонд русской литературы. Теперь — отомстить Солженицыну. (Перед ним я, сверх того что существую, провинился тем, что как-то, на неуверенном старте его западной жизни, передал через друзей непрошенный совет: не пользоваться судом для решения его денежных претензий к эмигрантскому издательству, поладить как-нибудь без суда; он буквально взорвался, ответил бранью.) Отомстить — и снова же будет Бессмертное Создание русской литературы».

И дальше Солженицын в том же стиле расправляется с Войновичем за его книгу «Москва 2042» (не называя ее!), прототипом одного из главных героев которой он выступает. Обвиня-

ет Солженицын Войновича в злобе, мести, в «пошлости фантазии» и «мелкости души» и т. д. в том же духе. (Что называется, обвиняет, глядя в зеркало!)

А вот как рассказывал Войнович про эпизод, упомянутый Солженицыным в скобках. Оказавшись на Западе (в Мюнхене), Войнович узнал, что Имка-Пресс, издававшая его произведения, намерена уплатить ему очень маленький гонорар. Усовестить издательство ему не удалось, и он пригрозил судом. И тогда раздался из Америки звонок порученца Солженицына, известного читателю Юрия Штейна, знакомого с Войновичем по Москве.

— Старик, Исаич передает тебе телефонограмму!

— В чем дело?

— Бери ручку и записывай!

— Ну взял.

— Диктую: «Передать Войновичу: стыдно русскому писателю судиться с русским издательством из-за гонорара. Надо поладить миром». Записал?

— Записал. А у тебя есть бумага и карандаш?

— Есть.

— Тогда записывай ответ: «Передать Солженицыну, чтобы шел на ...!»

И Войнович продиктовал всемирно известное сочетание из трех букв.

В «Москве 2042» Штейн выведен под именем Зильберовича, которого Сим Симыч Карнавалов время от времени для порядка приказывает пороть на конюшне. Той самой, в которой стоит Белый конь, на котором Сим Симыч намеревался въехать в Москву после падения там коммунизма.

Ответ Войновича — невероятный героизм в русской эмиграции, все равно что грудью на амбразуру. Как, напомним, и выступление Виктора Файнберга против НТС. Хотя, по сути, какой тут героизм: что мог Солженицын сделать Войновичу — соли на хвост насыпать? Но российские эмигранты боятся любого «начальства», как волки красных флажков, в том числе и начальства виртуального, выдуманного ими самими.

Сергей Довлатов написал мне в письме от 29 октября 1984 года:

«Что касается нью-йоркской жизни, то она во всех своих разделах и формах затухает, если не считать холуйства, которое вопреки всеобщему упадку — ширится, крепнет и превращается в доминанту нашей «культурной» жизни. Людей, которые почему-то еще не стоят раком, можно пересчитать уже даже не по пальцам, а по ушам.

Откровенно говоря, я все еще этому удивляюсь. Мне казалось, что уж на Западе-то мы все станем прямыми, открытыми и храбрыми. Хотите верьте, хотите нет, но я знаю людей, которые в московских и ленинградских редакциях вели себя более смело и независимо, чем здесь. Это почти невероятно».

Мне тоже трудно найти объяснение этому феномену. Я вспоминаю, как Эренбург когда-то писал, что люди, геройски воевавшие на фронте, терялись и робели в кабинетах начальства. Но в те времена начальство имело в своих руках колоссальную власть, не было виртуальным...

К слову, когда было опубликовано мое письмо Солженицыну, я получил строгий письменный выговор от супругов Копелевых за то, что взял недопустимый тон по отношению в Великому писателю!

Войнович в романе «Москва 2042» «осмелился поднять руку» не только на духовного, но и на реального, нынешнего вождя России, на что многие не обратили внимания. Роман, на-

помню, начинается в Мюнхене, и там выясняется, что за героем романа следит местный резидент КГБ, который даже вступает в прямой контакт с героем. Когда же последний прилетает в Москву 2042 года, он узнает, что у власти в стране стоит уже не ЦК КПСС, а ЦК КГБ во главе с его мюнхенским знакомцем, бывшим резидентом этой «конторы» в Германии.

После прихода к власти в нашей стране в 2000 году КГБ (ФСБ) во главе с Владимиром Путиным, бывшим резидентом КГБ в Германии, я позвонил Войновичу и поздравил его с блистательной реализацией его фантазии. (Я, кажется, сделал это первым!) Но шутки шутками, а ведь факт-то на самом деле поразительный. Тем более, что во главе «духовной власти», православной церкви, тоже стоит бывший сотрудник КГБ. Теперь, задним числом, мы должны признать, что приход к власти чекистов соответствовал внутренней логике развития нашей страны. И эту логику уловил Войнович. Возможно, на подсознательном уровне. Умом ведь Россию не понять!

Но что касается совпадения с приходом к власти бывшего резидента КГБ в Германии, то тут уже — мурашки по коже! Тут уже мистика! Я еще сопротивляюсь впадению в мистику, однако случайным совпадением такое тоже трудно назвать!

И Солженицыну, вернемся к нему, надо было бы вместо того, чтобы сводить с Войновичем счеты, благородно признать его победу в соревновании за более глубокое понимание России и ее будущего.

Стиль полемики Статья Григория Померанца

И еще одна забавно-печальная история. В брошюре «Наши плюралисты» Солженицын в присущей ему манере громит диссидентское демократическое движение, «демдвиж», и применяет прием, которому трудно найти название: не указывая имена цитируемых «плюралистов», перемежает, обкладывает их высказывания примитивными русофобскими цитатами, либо им самим сочиненными, либо взятыми из желтых эмигрантских газеток. В брошюре этой немало цитат и из моих статей, которые также обложены всякой грязью. Имя мое он, конечно, не упоминает, но один раз обзывает меня «сыном коммунистического вожака»(?!?).

И вот появляется в самиздате, а затем и в парижском «Вестнике РХД» (1984, № 142) статья философа Григория Померанца «Стиль полемики», посвященная анализу «Наших плюралистов». Начинается она словами:

«Одновременно (с «Нашими плюралистами». — В. Б.) читал выступления Солженицына в Японии и на Тайване, поразил контраст. Японцев Александр Исаевич пытается понять и убедить. А плюралистов — и не пытается, только растоптать и стереть в порошок. Думаю, что через некоторое время опять придется объяснять, что его неправильно поняли. И что он вовсе не хотел сказать то, что он сказал» (с. 288).

Померанц далее пишет, что если раньше Солженицын часто не указывал страницы при цитировании, то в «Плюралистах» — нет и имен авторов цитат! И Померанц вопрошает:

«Как мне понять, где перегиб, где его нет, если фразы выдраны из контекста и ни имени, ни адреса? Кажется, что сравнение России с девушкой, которую все насилуют, — сарказм, и во-

все не против России, а против идиотской теории, что огромная страна была в 1917–1918 гг. изнасилована кучкой инородцев. Это надо было бы проверить, но где?» (с. 293).

Речь здесь идет о моей статье «Феномен Солженицына».

Померанц в диссидентской табели о рангах стоит высоко: он и ветеран Отечественной войны, и узник сталинских лагерей, и один из самых первых авторов самиздата, потому «Вестник» печатает статью Померанца, но в лучших традициях советской прессы — с ответом-ответом главного редактора и справкой Наталии Солженицыной, в которой она пытается оправдывать отсутствие ссылок в статье ее супруга: их обилие «изменило бы жанр очерка» (?!), а также отвечает на приведенный выше конкретный вопрос Померанца:

«Г.С. Померанца, — пишет она, — интересует контекст сравнения России с «девушкой, которую все насилюют». Привожу: В. Белоцерковский. «Феномен Солженицына». Еженедельник «Новый Американец», № 110, Нью-Йорк, 1982: «Никто не обращает внимания на то поразительное обстоятельство, что Солженицын с его окружением, выпячивая негативную роль Ленина, точнее, Парвуса-Ленина-Троцкого и прочих «инородцев», изливая на них весь свой священный гнев, все более и более «забывают», заслоняют и вытесняют роль Сталина... Чем вызвано это «вытеснение» роли Сталина? Очевидно тем, что оно (так, Н.С.) мешает антисемитской пропаганде. Ведь уж очень трудно сказать, что у Сталина было еврейское окружение. Кроме того, русские националисты понимают, наверное, что прибавить к числу «насильников» — после немцев на службе у царей, евреев и латышей на службе у советской власти — еще и грузин, будет «замного». Что это за девушка, которую все, кому не лень, насилюют?!»».

Солженицын в «Плюралистах» цитирует лишь последнюю фразу.

Статья Померанца заканчивается следующими словами: «Приемы полемики — зародыш нового политического стиля. ...И поэтому стиль полемики Солженицына — вопрос первостепенной важности для будущего России. Если этот стиль утвердится, не останется никаких надежд».

Прекрасные слова, но я думаю, что стиль Солженицына уже давным-давно утвердился в стране, особенно наверху — со сталинских времен. Солженицын лишь его отражает. Стиль полемики людей во власти проявляется прежде всего в их действиях. Это, к примеру, сталинский террор и вторжение в Афганистан, подавление Пражской весны и польской «Солидарности», психушки для инакомыслящих и расстрел Верховного Совета, истребление чеченцев и разгром НТВ и ТВ-6. Так что дело с надеждой уже давно обстоит очень плохо.

В заключение отмечу, что после возвращения в Россию Солженицын поначалу несколько изменил свой политический облик. Перестал выступать с пропагандой авторитаризма «под куполом» православия, приглушил свой антисемитизм и выпады против Запада, ну а предсказания неизбежной победы «коммунизма» в третьей мировой войне отпали вместе с этим коммунизмом. Солженицын маневрирует от поддержки новых властей к оппозиции и обратно; поддержал антиконституционный переворот Ельцина, но осуждал приватизацию, а сейчас красноречиво молчит по поводу войны в Чечне, погромов на рынках и многого другого, о чем молчать нельзя! А если высказывает свои взгляды, то очень туманно и сбивчиво. Недавно вновь вернулся на стезю антисемитизма своей «двучастной» книгой «Двести лет вместе». Одно название чего стоит! Уже давным-давно большинство евреев составляют один народ с русскими!

«Раскаленным вопросом» назвал он проблему взаимоотношений русских с евреями, в то время как уже совсем другие вопросы «раскалены» в стране, в том числе и в национальной области.

Фактически Солженицын не смог войти в жизнь страны и понять ее.

В то же время вклад, сделанный Солженицыным за время эмиграции, на мой взгляд, достаточно весом. Когда сегодня социологи выясняют, что 60% людей в стране поддерживают принцип: «Россия — для русских!», спокойно смотрят на истребление чеченского народа и на погромы «черных», одобряют политику Путина по установлению «властной вертикали» и «управляемой демократии», то в формировании такого губительного умонастроения велика и лепта Солженицына.

Не войдя в жизнь страны и народа, Солженицын вошел зато под покровительство новой власти! Об этом хорошо пишет Войнович в «Портрете на фоне мифа»:

«Теперь у Александра Исаевича все хорошо. Он живет среди «новых русских» и номенклатурной знати. Награжден высшим орденом, званием российского академика и полностью признан государством. К нему в гости приезжал президент России... и ходят на поклон губернаторы, новые органчики и угрюм-бурчеевы, называющие его патриархом мысли и совестью нации... Получив из рук новой власти роскошную квартиру и построив хоромы в номенклатурном лесу среди нынешних вождей, поет нам любимую песню о самоограничении. Было бы смешно, когда бы не было так безвкусно».

На мой «вкус» — еще и очень позорно!

Подытожу. Феномен Солженицына — создание в стране его культа и мифа — тревожный Знак для России! Сахарова, антипода Солженицына, нет в живых, ни физически, ни идейно, а Солженицын — жив, и не только физически. Он живет в русском шовинизме, ксенофобии, во враждебности к Западу, к демократии, все шире и глубже распространяющихся по стране.